

Я был командиром взвода разведчиков, в который входили ребята четырех национальностей: русский парень Романов, грузин Печхадзе, казах Елюсизов и я, белорус. Вооружившись автоматами и гранатами, мы поползли к немцам. За нами наблюдала вся наша оборона и, думаю, страшно переживала. После операции солдаты говорили, что это была потрясающая картина — четверо ребят среди бела дня бесстрашно ползли прямо в пасть к фашистам. В их глазах мы были какими — то сверхгероями, хотя сами мы ни о чем таком не думали.

Ползли по — пластунски, вот уже до противника не более 30 — 40 метров, оставалось сделать последний рывок в траншее врага... Оставив Романова и Печхадзе прикрывать наш отход, мы с Елюсизовым, которого называли по — русски Костей, вскочили на ноги, размахнулись и бросили по две гранаты. И следом прыгнули в окопы немцев. Там их было, к счастью, мало, два в моем и один в Костином, немцы растерялись и тут же подняли руки вверх.

Только начали выбираться из окопа, как по нам ударил немецкий пулемет. Немцы попадали, я сверху на них. Только подниму голову — пулемет бьет все яростней. Но выбираться надо. Толкнув пленных дулом автомата и прокричав «шнель», выгнал их из окопа, и мы побежали в нашу сторону.

Вдруг чувствую — будто толчок в левую ногу. Ранило, но не тяжело, пуля пробила мякоть навывлет. Тут же Печхадзе, наш санинструктор, перевязал рану, и мы, довольные выполненной задачей, пошли в свою разведроту, по пути сдав трех «языков» в штаб дивизии.

За Вислой и Одером

Брали мы с Костей Елюсизовым, моим лучшим фронтовым другом, «языков» и в Данциге — трех немецких жандармов, которых Гитлер посадил в оборону, и двенадцать власовцев. Здесь трудность была в том, что город разделялся на две части водной преградой, так называемой «мертвой Вислой», которая была существенной преградой при выполнении боевого задания.

Почти в самом конце войны, 26 апреля 1945 года, 71 — я стрелковая дивизия с боями подошла к Рандовому каналу за Одером. Мосты были взорваны, противник занял оборону на противоположной стороне и вел сильный огонь, и командование поставило перед разведстой задачу форсировать канал незаметно с наступлением темноты, прорвать оборону и ворваться в деревню, находившуюся в четырех километрах.

Ночью бесшумно, как только умеют ходить разведчики, мы спустились в воду и цепью пошли в сторону противника. Мы умели хорошо сливаться с местностью и, благополучно форсировав канал, попластунски проползли по заболоченному лугу и вплотную приблизились к немецким траншеям. Сняв одним выстрелом наблюдателя, ворвались в траншею. Немцы спали в землянках, оружие их стояло в пирамидах. Беспечность дорого обошлась им.

Как ни старались мы действовать бесшумно, но все же подняли на ноги вторую линию обороны противника. Бой был скоротечным и жестоким, вплоть до рукопашной.

Выбив немцев из деревни, мы начали укрепляться, понимая, что противник не примирится с потерей плацдарма и постарается столкнуть нас в воду. Действительно, вскоре он пошел в контратаку, потом вторую, третью и так, нам казалось, до бесконечности. У нас уже были на исходе боеприпасы, на пределе моральные и физические силы, а противник все атаковал... Фронтовики знают, что такое ночной бой. Видимость ограничена, какими силами наступает враг, не знаешь и своих бойцов не видишь. Только огонь, разрывы гранат и выкрики.

В одной из очередных немецких атак я вскочил на бруствер и побежал вдоль траншеи на свой левый фланг, который атаковали немцы, на ходу подбадривая солдат: «Держись, ребята, бей гадов, не отступать!». Вдруг заметил, что навстречу бегут два человека, Я, грешным делом, подумал, что это убегают с поля боя мои солдаты. Но, столкнувшись с одним из

